

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Ткачев А.А.^{a,*}, Ткачев Ал.Ал.^b^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008^b Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003

E-mail: sever626@mail.ru (Ткачев А.А.); al.al.tkachev@mail.ru (Ткачев Ал.Ал.)

КИПЧАКСКИЙ «ДЛИННЫЙ» КУРГАН ИЗ МОГИЛЬНИКА МЕНОВНОЕ VII (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Целью статьи является культурно-хронологическая и социальная интерпретация «длинного» кургана 3, содержавшего кипчакские захоронения, исследованного в разновременном некрополе Меновное VII на территории Верхнего Прииртышья. «Длинный» курган встроен между наиболее крупными погребальными конструкциями, что позволяет предполагать в этих трех погребальных сооружениях поминальный ансамбль, отражающий посмертное объединение представителей правящей семейной группы кипчакского племенного образования. На основании анализа инвентаря из захоронений людей разных возрастных групп и узды лошади, располагавшихся в одном погребальном пространстве, можно датировать курган концом XI — началом XII в. н.э. Состав предметного комплекса демонстрирует высокий социальный статус погребенных в рамках кипчакской культурной традиции.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, средневековье, кипчаки, курганный могильник, погребальный обряд, погребения, вещевой инвентарь.

Ссылка на публикацию: Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 103–114. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-9>

Введение

В статье продолжена публикация материалов могильника Меновное VII конца I — начала II тыс. н.э. В предшествующих публикациях охарактеризованы материалы курганов 1 и 2, позволившие соотнести данный памятник с раннекипчакским периодом — временем расселения кипчаков с территории Казахского Прииртышья в сопредельные регионы [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023a, 2023b]. Материалы, полученные при изучении «длинного» кургана в пределах могильника Меновное VII, отражают определенную преемственность с культурой кимаков, связанной с традициями сооружения «длинных» семейных усыпальниц и наличием сложной системы взаимосвязи внутри семьи, характеризующей правящую кипчакскую элиту.

Общая характеристика памятника

Могильник Меновное VII расположен в 1,5 км к востоку-юго-востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области, в центре Меновновского археологического микрорайона (рис. 1, 1–3). Памятник, открытый в 1993 г., расположен на мысовидном участке первой надпойменной левобережной террасы Иртыша. Погребальное пространство площадью около 5 000 м² занимали 5 курганов с каменно-земляными насыпями и 19 позднесредневековых каменных набросок (рис. 1, 4). За три полевых сезона (1996–1998 гг.) археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета исследованы все зафиксированные на современной дневной поверхности курганы с каменно-земляными насыпями, относящиеся к кипчакскому культурно-хронологическому кругу памятника.

Курган 3, встроженный между курганами 1 и 2, южнее последнего, имел форму овала, вытянутого в меридиональном направлении. Длина каменно-земляной насыпи по линии С–Ю — 8 м, по линии 3–В — 7 м, высота южной половины насыпи — 0,25 м, северной — 0,45 м. Можно предположить, что первоначальная высота насыпи не превышала 0,3 м (рис. 1, 4). В центре насыпи просматривалась овальная западина размером 4,1×3,5 м, вытянутая в широтном направлении, глубиной 0,3–0,4 м, заполненная черной пылевидной супесью мощностью 0,1–0,3 м. Провал занимал центральный и частично северный сектор насыпи, сложенной из мелко-колотого щебня, уложенного в 3–5 слоев, с примесью коричневой гумусированной супеси.

* Corresponding author.

Периметр насыпи перерыт черной гумусированной супесью, перекрытой дерном. В северной части насыпи, между слоями камней, прослежена черная гумусированная прослойка толщиной до 10 см, образовавшаяся в результате ограбления основной могилы, перекрытая, в свою очередь, выбросами камня. В южной части насыпи между камнями могильной наброски и камнями насыпи прослеживалась глинистая прослойка толщиной 8–10 см, возникшая в результате выброса при сооружении наиболее поздней грунтовой ямы, содержавшей захоронение подростка.

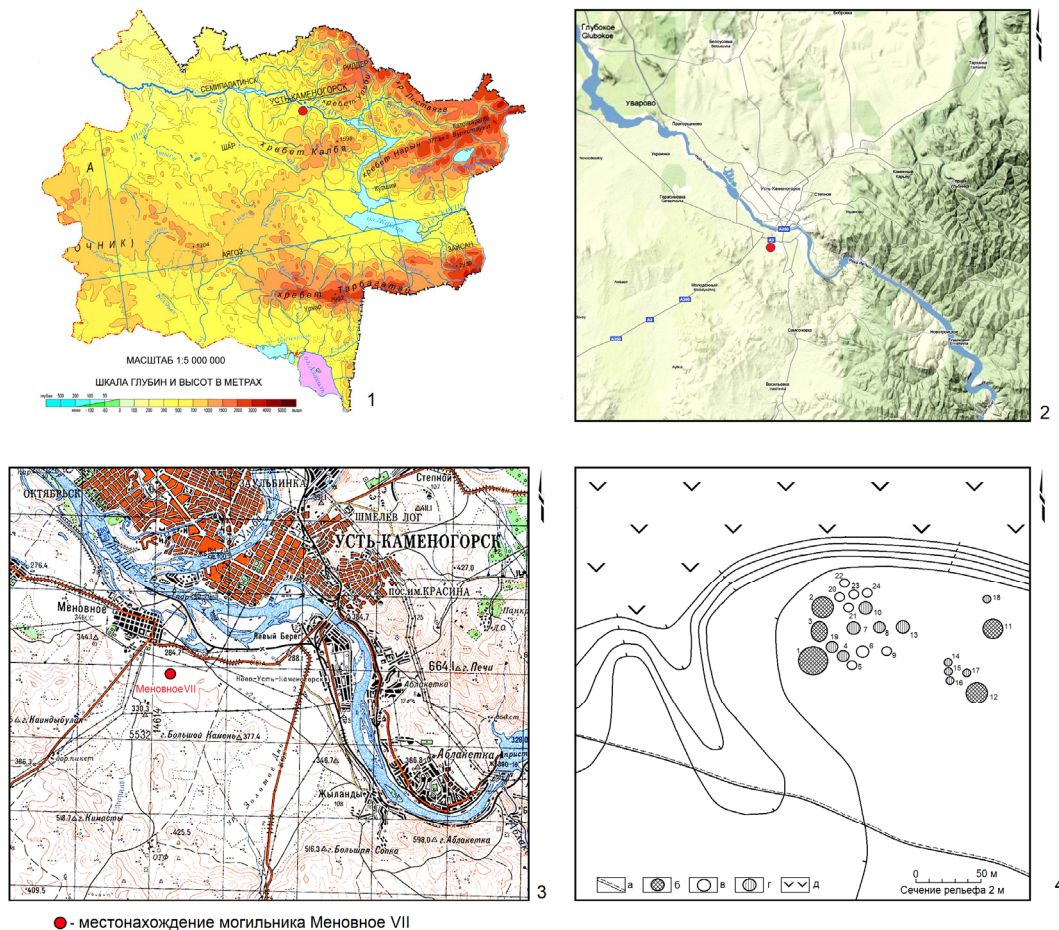

Рис. 1. Могилище Меновное VII. Местоположение (1–3) и план памятника (4):
а — грунтовая дорога; б — исследованный кипчакский курган; в — неисследованная позднесредневековая конструкция;
г — исследованная позднесредневековая конструкция; д — высокая пойма Иртыша.

Fig. 1. The Menovnoye VII burial ground. Location (1–3) and plan of the monument (4).

Под каменно-земляной насыпью прослежена прямоугольная ограда размером 5,5×4 м, вытянутая в меридиональном направлении, сложенная из крупных серых камней длиной 0,3–0,4 м и высотой до 0,4 м, уложенных в один ряд на погребенную почву. В центре западной стенки ограды фиксировался проход шириной около 1 м. Напротив прохода в центр слегка вогнутой вовнутрь восточной стенки ограды встроен крупный камень из белого кварца размером 0,8×0,7×0,5 м. С внешней стороны к северо-западному углу ограды пристроено три камня, продолжающих общую линию северной стенки ограды. Внутри огражденного пространства исследованы 3 могилы и жертвенная яма (рис. 2).

Могила 1, смещенная в северную часть погребального пространства ограды, располагалась в центральной части прямоугольной площади, очищенной от дерна. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 2,0×0,7×0,8 м, ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Основная часть ямы заполнена мешаной желто-серой супесью и колотым камнем, между которыми встречены куски истлевших деревянных плах или бревен от перекрытия (рис. 2). На дне отмечены разрозненные останки костей человека, фиксируемые в виде двух скоплений: в восточной части ямы — кости черепа, рук и ребра; в юго-западном углу — кости

ног. Наличие в восточном скоплении трех берцовых костей позволяет предполагать, что могила содержала парное погребение мужчины и женщины, ориентированных головами в восточном направлении (рис. 3, 1). На дне ямы, между скоплениями костей, найдены черешок железного наконечника стрелы (рис. 4, 3) и обломок костяной пряжки (рис. 4, 4).

Жертвенная яма. Располагалась в центре огражденного пространства в пределах прямоугольной площадки, очищенной от дерна, параллельно могиле 1. Расстояние между стенками 0,25 м. Размеры ямы 1,5×0,65×0,4 м, ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Верхняя часть ямы на глубину 15 см была заполнена небольшими кусками ломаного камня, фиксируемыми в виде 2–3 горизонтально запавших слоев (рис. 2). Под камнями в слое желто-серой супеси отмечены древесный тлен и обломки деревянных плах или бревен. На дне находился костяк лошади, уложенной на живот с подогнутыми под туловище ногами, с общей ориентировкой туловища на восток. Шея лошади плавно изогнута, голова ориентирована на северо-запад (рис. 3, 2). Перед захоронением лошадь взнуздали — челюсти сжимали железные удила (рис. 4, 11).

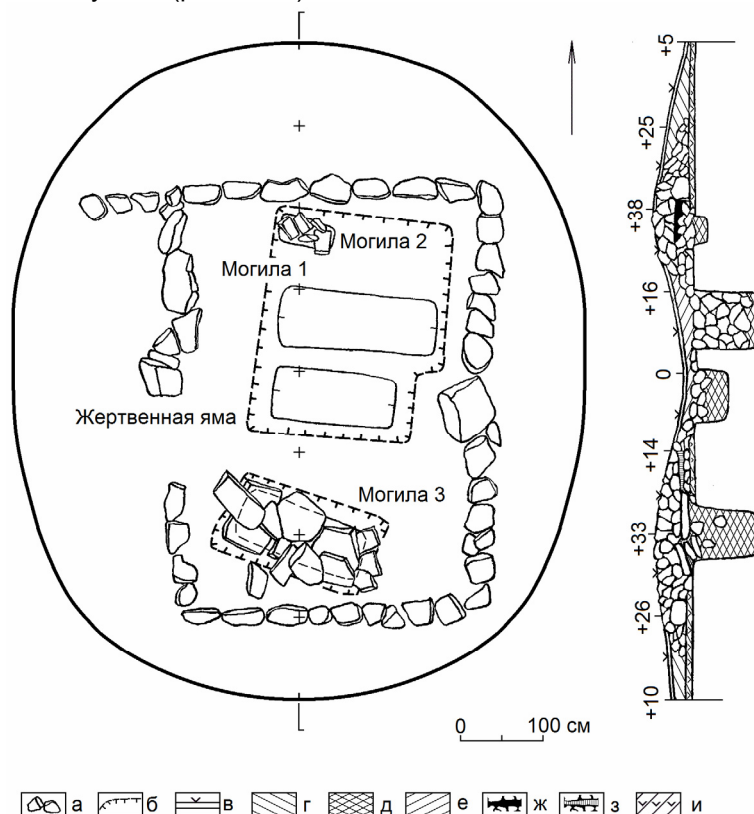

Рис. 2. Могильник Меновное VII. План и разрез кургана 3:

а — камни ограды; б — границы погребальных площадок; в — дерн; г — черная пылевидная супесь; д — желто-серая супесь; е, ж — черная гумусированная супесь; з — желто-серая глина; и — погребенная почва (светло-серая супесь).

Fig. 2. Burial ground Menovnoe VII. Plan and section of the mound 3.

Могила 2 расположена в северной части огражденного пространства между северо-западным углом могилы 1 и камнями ограды, на очищенной от дерна площадке. Грунтовая яма размером 0,7×0,35×0,15 м, ориентирована по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Яма была перекрыта тремя каменными плитами: северный сектор — плитой размером 0,8×0,4 м, центральный — 0,75×0,2 м, восточный — 0,78×0,32 м, с дополнительной обкладкой по периметру небольшими камнями. В процессе усадки насыпи и в процессе ограбления могилы 1 произошла подвижка каменной кладки насыпи, и в результате часть плит и камней перекрытия слегка западали вовнутрь ямы, заполненной желто-серой супесью (рис. 2). На дне расчищен костяк младенца, в возрасте до 1 года, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на восток-юго-восток (рис. 3, 4). В области шеи найдены остатки ожерелья из пяти бусинок (рис. 4, 6–10).

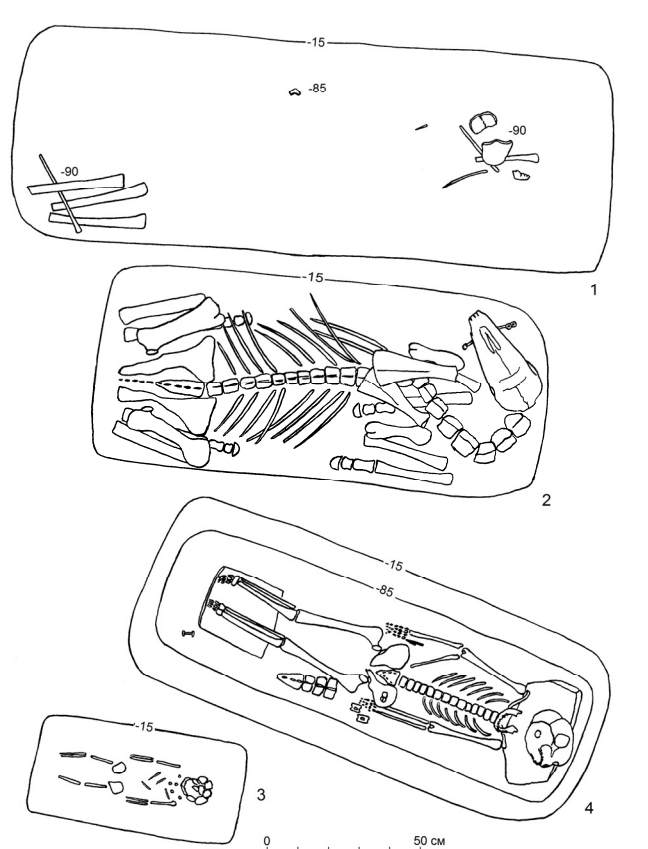

Рис. 3. Могильник Меновное VII. Курган 3. Планы захоронений:

1 — могила 1; 2 — жертвенная яма; 3 — могила 2; 4 — могила 3.

Fig. 3. Burial ground Menovnoe VII. Mound 3. Burial plans.

Могила 3 расположена в южной части ограды у плит ограждения внутри огражденного пространства в пределах прямоугольной площадки, очищенной от дерна, размером 2,1×1,1 м. Грунтовая яма размером 1,6×0,65×0,8 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Яма перекрыта тремя крупными гранитными плитами: западный сектор — размером 0,8×0,6 м, центральный — 0,6×0,6 м и восточный — запавшей вовнутрь плитой размером 0,7×0,6 м. Основное перекрытие было обложено по периметру мелкими гранитными плитами, опиравшимися одним концом на края плит перекрытия, другим — на очищенную от дерна материковую поверхность. Дополнительно плиты перекрытия были присыпаны сверху мелким колотым щебнем высотой 0,15 см (рис. 2).

Внутреннее пространство равномерно заполнено желто-серым суглинком, в котором встречено несколько небольших колотых камней. Стенки ямы плавно понижаются к ровному дну размером 1,5×0,45 м. На дне обнаружены останки подростка 12–14 лет, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. Верхняя часть черепа и локтевая кость правой руки сдвинуты, возможно, грызунами. Голова с верхней частью туловища, а также кости голени и стоп погребенного размещались на каменных «подушках». Под головой находилась гранитная плитка размером 37×32×6 см, опиравшаяся одной стороной на юго-восточную стенку ямы и установленная под углом около 30° к плоскости пола. Под ступнями находилась прямоугольная гранитная плитка, уложенная на ровное дно ямы, размером 23×24×5 см (рис. 3, 4). Левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локтевом суставе и расположена под небольшим углом к туловищу. Возле бедра левой ноги лежал курдюк барана (3 позвонка и хвостовая часть); возле кисти левой руки располагались два астрагала мелкого рогатого скота (рис. 3, 4). На тазовых костях находилась бронзовая пряжка с железным язычком, крепившаяся к правой части ремня (рис. 4, 5); с правой стороны к ремню пояса крепился железный ножик с деревянной ручкой, помещенный в деревянные ножны, обтянутые кожей (рис. 4, 1). В ногах, в юго-западном углу, прослежен деревянный тлен, скорее всего, от седла, укрепленного крепежной накладкой (рис. 4, 2).

Особенности погребального обряда

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют констатировать, что распределение внутреннего пространства было заранее спланировано, как и размеры ям для размещения в них умерших и жертвенной лошади:

— на первой стадии соорудили ограду из близких по размерам уплощенных каменных блоков серого цвета, уложив их на дневную поверхность. Преднамеренно восточную стенку соорудили слегка вогнутую вовнутрь с размещением в центре крупного камня из белого кварца, имевшего уплощенную верхнюю поверхность, которого могла использоваться в качестве жертвенного стола. Напротив расположен вход-выход из ограды. Камни, расположенные за пределами ограды и образующие одну линию вдоль северной стенки, могли первоначально перекрывать проход, однако необходимость проникать вовнутрь с целью проведения поминальных обрядов заставила открыть его. Но и на завершающей стадии вход в потусторонний мир, олицетворенный оградой, почему-то так и не перекрыли (рис. 2, 1);

— на втором этапе для размещения основной могилы 1 и жертвенной ямы для размещения лошади в центре и северной части огражденного пространства очистили от дерна две соединенные между собой площадки. В северной части, в пределах очищенной площадки размером 2,25×1,9 м, располагались могила 1 и 2. Свободный очищенный участок в северо-восточном секторе предполагает наличие еще одного детского захоронения, которое в силу каких-то причин здесь не поместили. С юга примыкал второй прямоугольный участок, размером 2×1,7 м, внутри которого располагалась жертвенная яма с помещенной в ней лошастью. Глиняный выкид из ям был аккуратно вынесен за пределы погребальной конструкции. После захоронения центральную могилу и яму с лошастью закрыли деревянными плахами или бревнами с последующим перекрытием их каменными набросками из щебня. Яму с младенцем закрыли гранитными плитами и обложили камнем;

— на третьем этапе в южной части огражденного пространства от дерна очистили прямоугольную площадку (2,1×1,1 м), внутрь которой впустили прямоугольную яму (1,6×0,65×0,8 м) с общей ориентацией СЗ–ЮВ. При ее сооружении часть глиняного выкида удалили за пределы ограждения, другую разместили вдоль северной стенки ямы в виде части дуги мощностью 5–10 см, как бы отрезав ее от предшествующих захоронений. Тело подростка поместили в яму под небольшим углом к тазу — верхняя часть тела и ноги приподняты и уложены на каменные «подушки». Подростка погребли, с одной стороны, как ребенка, в сопровождении детских игровых костей-астрагалов, с другой — как мужчину-воина, опоясав поясом с подвешенным к нему ножом и поместив в ногах седло и курдючную часть жертвенного барана;

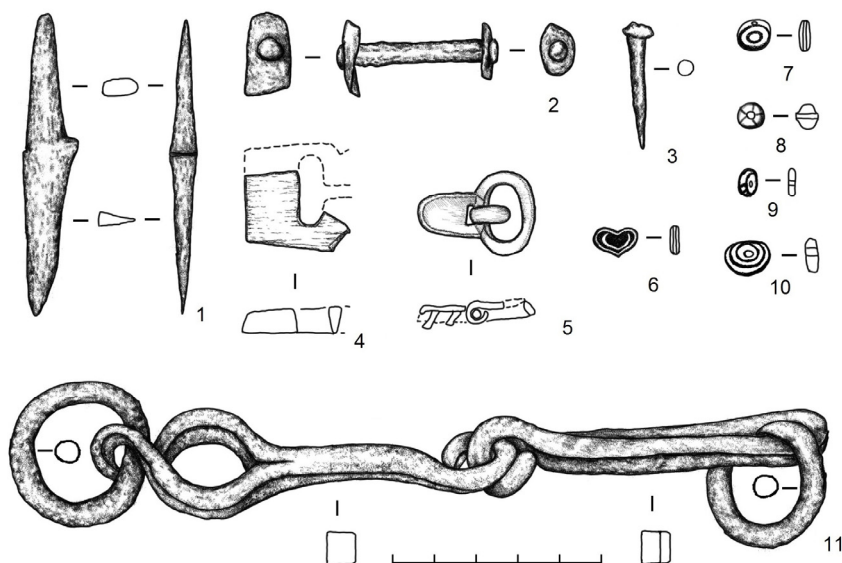

Рис. 4. Могильник Меновное VII. Курган 3. Вещевой инвентарь:

1 — нож; 2 — оковка седла; 3 — обломок наконечника стрелы; 4 — обломок пряжки; 5 — пряжка; 6–10 — бусы; 11 — удила: 1–3, 11 — железо; 4 — кость; 5 — бронза; 6–11 — камень.

Fig. 4. Burial ground Menovnoye VII. Mound 3. Inventory.

— четвертый этап связан с финальной стадией сооружения погребальной конструкции — отсыпкой насыпи. Основная и жертвенная яма были перекрыты деревянными плахами или бревнами, опиравшимися на материковый грунт очищенных площадок, тогда как захоронения младенца и подростка перекрывались каменными плитами с дополнительной обкладкой мелкими камнями и плитками по периметру. Высота выкладок над крупными ямами 0,2–0,3 м, над детскими — 0,1–0,15 м. На завершающей фазе внутреннюю часть огражденного пространства плотно перекрыли уплощенными камнями, уложенными в три-пять уровней.

Ограбление кургана произошло в период, когда глинисто-песчаный грунт через щели в деревянных перекрытиях только слегка заполнил придонную часть центральной могилы. Кости и обломки вещей лежат на самом дне, а каменный завал после разрушения перекрытия в процессе ограбления оставляет свободным от камней не более 10 см придонной части. В процессе ограбления дерн, сформировавшийся над камнями, и значительная часть камней, перервавших центральную часть ограды, были смещены в северный сектор насыпи, что и предопределило значительную высоту этой части кургана. С другой стороны, грабители достаточно аккуратно проникли в могилу, изъяв практически весь погребальный инвентарь, не тронув при этом захоронения младенца, подростка и яму с жертвенной лошастью. Это позволяет предполагать, что грабителям не только были известны особенности инвентаря, — возможно также, что над погребениями стояли какие-то знаки, позволявшие достаточно точно выходить на конкретные могилы, имевшие богатое сопровождение.

Характеристика предметного комплекса

Парное захоронение, располагавшееся в основной могиле, разграблено. Среди находок можно выделить только обломки изделий, связанных с мужской частью общества. Вещевой инвентарь, обнаруженный с подростком, свидетельствует, что в могиле погребен юноша, уже подошедший к получению статуса воина. Наличие в захоронении младенца каменных бус позволяет предполагать, что погребение принадлежало девочке.

В эпоху средневековья к традиционно мужским вещам относились предметы вооружения и детали конской амуниции. С военной компонентой, характеризующей мужскую деятельность, связаны остатки изделия для дистанционного боя — обломок черешка железного наконечника стрелы длиной 3,1 см и диаметром при переходе к перу около 5 мм (рис. 4, 3). К какому типу принадлежал данный наконечник, определить невозможно.

Костяная пряжка относится к типу невыделеннорамчатых, которые обычно имеют пятиугольную форму с тщательно отшлифованной поверхностью, прямые или наклонные боковые грани, плавно расширяющиеся к верхней части и оканчивающиеся тупоугольной дужкой с приостренным носиком. Обломок размером 3×2 см не позволяет однозначно отнести пряжку к одно- или двутавровым (рис. 4, 4). Единое мнение о назначении пряжек отсутствует: они могли использоваться для стягивания ремней подпруги [Кубарев, 2005, с.133] или для соединения ремней конской амуниции и соединения деталей костюма на теле человека [Евтюхова, 1952, рис. 22; Неверов, 1985, с. 192; Овчинникова, 1990, с. 123]. Находки крупных пряжек в парном захоронении кургана 3 могильника Меновое VII свидетельствуют, что они являлись деталью костюма [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023, рис. 6, 1, 3, 4]. Ни в одном из захоронений лошадей, обнаруженных в пределах Усть-Каменогорского археологического комплекса, массивных костяных пряжек не встречено [Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999]. Костяные пряжки широко распространены в кимако-кипчакских комплексах от Кузбасса до Зауралья. В географическом плане просматривается постепенное уменьшение их использования с востока на запад [Арсланова, Самашев, 2013, с. 316, рис. 1, 13; с. 317, рис. 2, 12; Трифонов, Самашев, 1987а, с. 199; рис. 100, 23; с. 213, рис. 106, 28; Трифонов, Самашев, 1987b, с. 228, рис. 111, 12; Могильников, 2002, с. 44, рис. 131, 3; Илюшин, 1993, с. 15, рис. 35, 1; 2008, с. 170, рис. 7, 1; Мажитов, 1981, с. 152, рис. 74, 3, 9].

К социально-бытовым изделиям повседневного пользования относится нож, имевший деревянную рукоять насадного типа и деревянные ножны, обтянутые кожей. Нож, хотя и небольшого размера, олицетворял при подростке его принадлежность к взрослому воинскому сословию. Нож длиной 8,4 см имел прямую спинку длиной 4,4 см, через уступчик высотой около 1,5 мм. Рукоять удлиненно-треугольной формы длиной 4 см, овального сечения. Острый косой клинок — подтреугольной формы, сильно сработан в центральной части лезвия. Со стороны клинка при переходе его в черешок прослеживается наклонный уступчик-упор высотой около 3 мм (рис. 4, 1). Ножи аналогичных форм и размеров широко бытуют на протяжении всего средневековья, доживая до современности, что связано с рациональной формой изделий. Аналогичные ножи входят в муж-

ской и женский погребальный инвентарь [Плетнева, 1990, с. 53; Колчин, 1953, с. 70–71; Ткачев, 2020, с. 48, рис. 5, 2; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023b, с. 137, 140, рис. 6, 2, 6].

Для соединения концов пояса использовалась щитковая пряжка с железным подвижным «язычком». Двухшпильковый щиток имел трапециевидную удлинённо-овальную форму, соединён с овальной рамкой. Длина щитка 1,3 см, ширина 0,8–1,2 см, высота бортика 1,5 мм; размер рамки 2,2×1,6 см, высота 4 мм. Бронзовая пряжка жестко соединялась с ремнем двумя железными шпильками, располагавшимися по осевой линии щитка (рис. 4, 5). Близкие по форме и размерам пряжки широко бытуют на всем протяжении раннетюркской эпохи, выполняя несколько функций. Они могли использоваться как в качестве соединителей двух частей поясных ремней, так и в качестве крепления ремней оголовья лошади и других частей конской амуниции [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2021, с. 114, рис. 4, 13, 14; 5, 1, 2].

Двукольчатые железные удила, использовавшиеся при захоронениях взызданной лошади, в силу каких-то причин оказались с дефектом, что проявилось в разной форме звеньев (рис. 4, 11). Одно звено изготовлено из железного квадратного в сечении стержня размером 8×8 мм. Кольцо грызла диаметром чуть около 2 см, тогда как противоположный конец имел восьмеркообразное окончание, оформленное путем винтообразного полуоборота. Перед проковкой внешних колец вовнутрь вставили кольцо для крепления узды и только после этого округлое внешнее окончание преобразовали в восьмеркообразное. Диаметр внутреннего кольца 2,6 см, внешнего с вставленным в него подвижным внешним кольцом — 1,2 см. Внешнее подвижное кольцо отковано из округлой в сечении проволоки диаметром 0,6 см. Общий диаметр внешнего кольца 4,6 см. Второе звено изготовлено из аналогичной в сечении проволоки. Соединительное кольцо грызла диаметром чуть больше 2 см. Основная часть изделия прокована в длину на 14 см, с постепенным уменьшением сечения от центра к краю, принявшему уплощенно-приостренные очертания. После проковки прут резко перегнули посередине. После размещения внутри кольца тонкий конец загнули и приковали к стержню, так что конец разместился близ кольца грызла. Внешнее кольцо практически не имело свободного хода и туго проворачивалось в свободном пространстве звена. Ответить на вопрос, почему лошадей взыздали не стандартными удилами, невозможно, но можно допустить, что удила с дефектом преднамеренно использовали в погребальном обряде. Судя по одному из звеньев, удила близки к двукольчатым восьмерковидным удилам с кольцами, расположенными в одной плоскости. Данный тип удили был широко распространен как территориально, так и хронологически. Появившись в раннетюркский период, они продолжают бытовать наряду с другими формами узды раннесредневековых кочевников с VIII по XII в. [Гаврилова, 1965, с. 80–84, рис. 16; Неверов, 1992, с. 148–150, рис. 3, 8, 9; Савинов, 1984, с. 134–135, табл. IV, 1; Кубарев, 2005, с. 121, рис. 34, 6, 10, 14; Овчинникова, 1990, с. 91–92, рис. 41, 8–11]. Широко встречается данный вид удили и на территории Восточного Казахстана [Арсланова, 1972, с. 58, 74, табл. V, 8, 9; Ткачев, 2020, с. 49, рис. 5, 6; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023b, с. 143, рис. 5, 5, 7].

Находка железного шпильки длиной 2,2 см, диаметром 0,3 см, с размещенными на торцевых концах расклепанными выпукло-вогнутыми железными пластинками позволяет предполагать, что в ногах погребенного подростка в юго-западном углу ямы находилось или целое деревянное седло, или деревянная полка седла, имитировавшая целое седло (рис. 4, 2). На территории Восточного Казахстана подобные оковки широко встречаются в погребальных комплексах разных хронологических этапов тюркской эпохи [Трифонов, 1987с, с. 121; рис. 64, 19, 20; Суворова, Ткачев, 1997, с. 259, рис. 3, 10–12].

К предметам, отражающим бытовую сторону жизни, относится набор бараньих астрагалов, использовавшихся для игры в асыки (альчики), сопровождавший захоронение подростка. Игры в кости с помощью астрагалов у степных народов Евразийской степи распространены, судя по находкам в поселениях и могильниках, начиная с эпохи бронзы и раннего железного века [Евдокимов, 1982, с. 10, рис. 4, 9; Сорокин, 1960, с. 55; Арсланова, 1974, с. 59–60; Вишневская, 1973, с. 70]. Продолжали играть в кости и в период средневековья и до исторической современности. Сверленный астрагал для игры в кости сопровождал погребение ребенка, исследованное в могиле 2 «длинного» кургана 1 могильника Меновное VI [Ткачев, 2020, с. 42, рис. 5, 5]. В «длинном» кургане 3 могильника Акчий III одно из захоронений взрослого мужчины сопровождало 255 овечьих астрагалов, помещенных в небольшую ямку. Из массы астрагалов выделяются 26 изделий: часть из них имеют сверленные отверстия, другие покрыты узором в виде разнообразного пересечения прямых линий, третьи имеют глубокие вырезы [Трифонов, 1987а, с. 146, рис. 75, 1–26]. Находки астрагалов свидетельствуют о том, что в кости играли не только дети, но и

взрослые, а наличие серии костей, дающей разнообразные сочетания и комбинации, позволяет предполагать сложные по структуре игры.

С девочкой-младенцем встречено 5 бусинок. Одна стеклянная, реповидной формы, с серебристой потрескавшейся поверхностью (рис. 4, 8). Остальные изготовлены из плоских пластин агата или яшмы, имеющие ярко выраженные разноцветные концентрические круги светлорычневых и темно-рычневых оттенков: три имеют округлую форму (рис. 4, 7, 9, 10), одна — сердцевидную (рис. 4, 6). У двух бусинок отверстия одностороннего сверления располагались близ центра (рис. 4, 9, 10), у двух других — в торцевой части со стороны ребра (рис. 4, 7, 6). Особенности расположения бус в пределах погребального пространства позволяют предполагать, что в центре ожерелья располагалась стеклянная бусина, рядом с ней — бусы с отверстием в центре, по краям — бусины с отверстиями торцевого сверления. Для всей раннетюркской эпохи бусы изредка встречаются в женских и детских погребениях [Степи Евразии..., 1981, с. 41, 191, 199]. Прямых аналогий стеклянным и каменным бусинам не обнаружено, но можно допустить, что они являются военными трофеями, попавшими на территорию Верхнего Прииртышья в результате походов на территорию Средней Азии.

Обсуждение результатов

В пределах расселения кимако-кипчакских племен на территории Верхнего Прииртышья и прилегающих регионов Алтая исследовано свыше 70 «длинных» курганов [Могильников, 2002, с. 74; Арсланова, 1987]. Ф.Х. Арслановой в научный оборот введен термин «длинный» курган, отражающий усредненный показатель соотношения длины и ширины насыпи в пределах 2:1. Поминальные конструкции в основном имели «овально-вытянутую форму», при наличии и других пропорций [Арсланова, 1984, 2013]. В то же время Ю.И. Трифонов при характеристике кимако-кипчакских курганов региона вообще не использовал данный термин [1987b, с. 156–157]. По нашему мнению, базовое отличие «длинных» и овально-округлых курганов определяется не столько их внешней формой, сколько внутренним содержанием. Обычно «длинными» называют курганы, содержащие под своими насыпями две-три, изредка четыре оградки, пристроенные друг к другу и вытянутые в меридиональном направлении. Овальная форма кургана 3 образовалась в результате выброса центра насыпи в западный и восточный сектора при ограблении основной могильной конструкции. Насыпь перекрывала прямоугольную ограду, вытянутую в меридиональном направлении. Форма и ориентация оградки позволяют рассматривать ее как новый тип погребальных сооружений, появившихся у кипчакского населения Восточного Казахстана. О преемственности кимакских и кипчакских комплексов свидетельствует наличие захоронений разных возрастных категорий, относящихся к одной семье или семейной группе, что характерно для всех «длинных» курганов. В пределах Усть-Каменогорского археологического комплекса открыто и исследовано 6 «длинных» курганов, два из которых охарактеризованы в более ранних публикациях [Суворова, Ткачев, 1995; Ткачев, 2020].

Остановимся на некоторых аспектах, связанных с курганами, имеющими овальную форму насыпи. Если сопоставить количество округлых и «длинных» насыпей, то вторые составляют незначительное количество от общего числа открытых поминальных сооружений. Кроме того, отсутствует единый подход к размещению «длинных» курганов в пределах погребальных площадей. В Усть-Каменогорском археологическом комплексе выделяются четыре планиграфические группы, связанные с «длинными» курганами:

- одиночные насыпи (могильник Ахмирово IV, Меновое XIII);
- насыпи, располагавшиеся в северном секторе погребальной цепочки (кург. 1, могильник Меновое VI);
- чередование в погребальной цепочке «длинных» и «круглых» насыпей (кург. 5 и 7, могильник Ахмирово I);
- «длинный» курган, встроенный между двумя крупными насыпями, что объединяет их в один поминальный комплекс (кург. 3, могильник Меновое VII).

Общей чертой всех «длинных» курганов является их ориентировка по линии север — юг, но внутреннее устройство имеет значительные отличия. Все насыпи, за исключением одной, сооружены в виде пристроенных к друг другу оград, отличающихся формами и размерами. Наблюдаются отличия и в последовательности сооружения поминальных комплексов. Выделяются следующие тенденции планиграфического развития:

- по линии север — юг (кург. 1, мог. Меновое VI; кург. 7, мог. Ахмирово I);
- дополнительные оградки, пристроенные к основному сооружению и севера и с юга (кург. 5, мог. Ахмирово; кург. 1, мог. Меновое XIII);

— прямоугольная ограда под овальной насыпью, ориентированная по линии север — юг (кург. 3, мог. Меновное VII).

Центральные ограды группы 1 и 2 содержали захоронения мужчин, тогда как в пристройках погребались юноши и подростки, причем часть из них — как воины, в сопровождении коня. Индивидуальные погребения мужчин иногда сопровождались захоронением младенцев или детей младшей возрастной группы, размещавшихся обычно в одном из углов ограды (кург. 1А, мог. Меновное VI; огр. 5В, мог. Ахмирово I; огр. 7Б, мог. Ахмирово I).

Длинный курган 3 из могильника Меновное VII имеет принципиальные отличия от всех аналогичных погребальных конструкций. Он содержал одну прямоугольную ограду с серией разновозрастных захоронений, размещенных в одном поминальном поле. Имеются некоторые специфические черты, отличающие его от остальных сооружений. В центр вогнутой вовнутрь восточной стенки ограды встроен каменный алтарь из глыбы белого кварца, являвшийся местом отправления каких-то религиозных обрядов (вогнутые вовнутрь восточная и западная стенки ограды прослежены в кург. 7 могильника Ахмирово I [Суворова, Ткачев, 1995, с. 253, рис. 1]). Напротив алтаря в западной стенке располагался вход в ограду, содержащую парное захоронение мужчины и женщины, погребение подростка и девочки. Это единственный случай в пределах микрорайона, когда погребенного ребенка удалось связать по половому признаку с женской частью населения, к тому же могила содержала разнополое захоронение.

Планиграфия комплекса свидетельствует, что «длинный» курган могильника Меновное VI связал три наиболее крупные насыпи, содержащие захоронения людей высокой социально-статусной группы в единое целое. Такое соединение позволяет допустить преемственность власти между человеком, погребенным в наиболее крупном кургане 1, с мужчиной и женщиной, погребенными в кургане 2. Людей, продолжавших эту преемственную связь и умерших в силу каких-либо причин в короткий промежуток времени, погребли вместе. Захоронение взрослых сопровождало погребение младенца-дочери, и, судя по подготовленной площадке, здесь могли разместить еще одного ребенка, но он выжил. Подросток, скорее всего сын погребенной пары, умер в близкий к ним хронологический отрезок, что предопределило его погребение с родителями. Возможно, он являлся наследником, достигшим определенной степени зрелости, поэтому для него в общей усыпальнице подготовили отдельную площадку. В соответствии с общими канонами внутреннее наполнение ограды шло с севера на юг. Погребение девочки было размещено в северо-западном секторе близ захоронения родителей. Исследованная ограда кургана 3, с одной стороны, выделяется в контексте общих традиций, характерных для размещения захоронений в пределах «длинных» сооружений, но с другой — следует принятым подходам размещения умерших в подобных сооружениях.

Сложность изучения социального устройства кимако-кипчакской группы племен связана с тем, что погребения детей и подростков единично присутствуют только в «длинных» курганах при полном отсутствии их в «круглых» курганах, содержащих индивидуальные захоронения взрослых мужчин и женщин. Только в отдельных случаях «длинные» курганы содержат захоронения 8–11 человек, большая часть которых — дети и подростки. Это свидетельствует о семейной близости людей, погребенных в «длинных» курганах [Арсланова, 1987, с. 51; Трифонов, Самашин, 1987b, с. 218–226, рис. 110; Могильников, 2002, с. 74]. На вопрос о том, почему не все курганы «длинные», скорее всего, мы никогда не сможем ответить, но Ф.Х. Арсланова полагала, что «длинные» курганы являются местом захоронения патриархальной семьи [1985, с. 21–22]. С этим можно согласиться, но соответствуют ли патриархальному устройству общества многочисленные курганы, содержащие индивидуальные разнополые захоронения? Наличие совместных парных захоронений мужчин и женщин требует своего объяснения и обоснования исходя из особенностей бытовавших кочевых традиций в условиях средневекового общества.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глущь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. Отражение мировоззрения и общественных отношений кимаков в погребальных памятниках // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: ТГУ, 1985. С. 21–24.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы кимаков // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 121–123.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 310–317.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1982. С. 3–20.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок Кузнецовой в 1927 г.) // Археология степной Евразии. Кемерово; Алматы: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32. 257 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая. М.: Наука, 2002. 362 с.

Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. С. 192–206.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 150 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркеля — Белой Вежи). М.: ИА РАН, 1990. 102 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 207 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 263–266

Ткачев А.А. «Длинный» курган могильника Меновное VI // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2020. Вып. 4 (51). С. 40–52. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 107–118. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакское погребение могильника Меновное VII из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2023а. № 3 (62). С. 103–114 <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-9>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Погребение кургана 2 могильника Меновное VII (Восточный Казахстана) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2023б. № 4 (63). С. 134–148. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-10>

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Трифонов Ю.И. Акчий I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987а. С. 144–150.

Трифонов Ю.И. Акчий II // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 150–168.

Трифонов Ю.И. Джартас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987с. С. 115–129.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987а. С. 176–215.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат II // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 215–230.

Kipchak “long” mound from the Menovnoe VII burial ground (Eastern Kazakhstan)

This article aims at cultural, chronological, and social interpretation of the “long” burial mound 3, containing Kipchak graves, studied in the Menovnoye VII necropolis of different periods in the Upper Irtysh River region. The “long” mound, built in with its structures among the largest kurgans, suggests joining of three burial structures into a single memorial ensemble, reflecting the posthumous union of representatives of the ruling family group of the Kipchak tribal association. The analysis of the inventory from burials of individuals of different age groups and a horse bridle, located in the same burial space, allows dating the mound to the end of the 11th — beginning of the 12th c. AD. The composition of the material assemblage reflects the high social status of the buried within the framework of the Kipchak cultural tradition.

Keywords: Upper Irtysh region, Middle Ages, Kipchaks, burial mound, burial rite, burials, inventory.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Arslanova, F.Kh. (1972). Burial mounds with corpse-burning in the Upper Irtysh region. In: *Poiski i raskopki v Kazahstane*. Alma-Ata: Nauka, 56–76. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1974). Burial complex of the VIII-VII centuries BC from East Kazakhstan. In: *V glub' vekov*. Alma-Ata: Nauka, 46–60. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1985). Reflection of the worldview and social relations of kimaks in funerary monuments. In: *Mirovozzrenie narodov Zapadnoj Sibiri po arkeologicheskim i ehtnograficheskim dannym*. Tomsk: TGU, 21–24. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1987). Long mounds of the Irtysh region. In: *Istochniki po istorii Zapadnoj Sibiri: (Istoriya i arkheologiya)*. Omsk: OmGU, 1987, 50–69. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (2013). Long kimak mounds. In: *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: Filial IA im. A.Kh. Margulana, 121–123. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh., Samashev, Z.S. (2013). Kimakov mounds in the Semipalatinsk Irtysh region. In: *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: Filial IA im. A.Kh. Margulana, 310–317. (Rus.).
- Vishnevskaya, O.A. (1973). *Culture of the Saka tribes of the lower Syr Darya in the 7th–5th centuries BC (based on Uygarak materials)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Evdokimov, V.V. (1982). Settlement of the Bronze Age Ust-Kenetai. In: *Voprosy` arxeologii i e`tnografii Central'nogo Kazaxstana*. Karaganda: Karagand. un-t, 3–20. (Rus.).
- Evtyukhova, L.A. (1952). Stone sculptures of Southern Siberia and Mongolia. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (24), 72–120. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (1993). *Burial mounds of Medieval nomads of the Bachat River valley*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (2008). Burial mounds of Kamysl and Novokamyshenka (based on the materials of Kuznetsova's excavations in 1927). In: *Arkheologiya stepnoi Evrazii*. Kemerovo; Almaty, 160–184. (Rus.).
- Kolchin B.A. (1953). Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (32). (Rus.).
- Kubarev, G.V. (2005). *Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Mazhitov, N.A. (1981). *The Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (2002). *Nomads of the north-western foothills of Altai*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Neverov, S.V. (1985). Bone buckles of the Srostkin culture (VIII–X centuries AD). In: *Altai v epohu kamnya i ranнего metalla*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 192–206. (Rus.).
- Ovchinnikova, B.B. (1990). *Turkic antiquities of the Sayano-Altai in the VI–X centuries*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (Rus.).
- Pletneva, S.A. (1990). *Pechenegi and the Huza on the Lower Don (based on the materials of the nomadic burial ground near Sarkel — Belaya Vezha)*. Moscow: IA RAN, 1990. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1984). *The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era*. Leningrad: Izd-vo LGU. (Rus.).
- Sorokin, V.S. (1962). Tasty-Butak I Bronze Era Burial Ground in Western Kazakhstan. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (120). (Rus.).

* Corresponding author.

Suvorova, G.I., Tkachev, A.A. (1995). Kimak burials of the cemetery Akhmirovo I. In: *Voennoe delo i sred-nevekovaia arkheologiya Tsentral'noi Azii*. Kemerovo, 253–266. (Rus.).

Tkachev, A.A. (2020). "Long" barrow in the Menovnoe VI burial ground. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 51(4), 40–52. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2021). Turkic burial accompanied by horses from the Upper Irtysh region. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 107–118. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2023a). Kipchak burial of the Menovnoe VI burial ground from the Upper Irtysh region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*. 62(3), 103–114. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-9>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2023b). Burial mound 2 burial ground Menovnoe VII (East Kazakhstan). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*, 63(4), 134–148. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-10>

Tkachev, A.A., Tkacheva, N.A. (1999). The results of the study of archaeological sites of the Ust-Kamenogorsk micro district (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987a). Akchiy I. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 144–150. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987b). Akchiy II. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 150–168. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987c). Jartas. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 115–129. (Rus.).

Trifonov, Iu.I., Samashev, Z.S. (1987a). Karashat I. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 176–215. (Rus.).

Trifonov, Iu.I., Samashev, Z.S. (1987b). Karashat II. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 215–230. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал.Ал., <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

Сведения об авторах:

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Ткачев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

About the authors:

Tkachev, A.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading researcher, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen.

Tkachev, Al.Al., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025